

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К82

Иллюстрации и дизайн *Марии Поздняковой*

Кривошлыкова, Светлана Алексеевна.

К82 Операция «Призрак из камина» / Светлана Кривошлыкова. — Москва : Эксмо, 2026. — 176 с. — (Команда «ИКС»). Детский детектив).

ISBN 978-5-04-239821-6

После «Ночи театра» в школе-пансионе не утихают тревожные слухи. Ученики ещё обсуждают оживших кукол, как появляется новая новость: из кабинета директора исчез старинный журнал успеваемости. И главное — в краже обвиняют Илью Абрамова! Только вот почти никто не верит, что он мог это сделать. А значит, настоящий преступник где-то рядом. Команде «ИКС» предстоит разгадать новую загадку: кто стоит за этой кражей и что означают таинственные апельсиновые косточки?..

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© С. А. Кривошлыкова, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-239821-6

Глава 1

⇒ Пойман с полизным ⇐

5 декабря

Тишина в кабинете смотрителя Ивана Павловича Корнеева была плотной, физически ощутимой, будто старые стены усадьбы вобрали в себя все звуки и не хотели их отпускать. Лишь висевшие на стене часы с маятником ровно отсчитывали секунды, а за занавешенными окнами мерцал оранжевый свет уличных фонарей. Он ложился на пол узкими прямоугольниками, выхватывая из темноты угол массивного стола, тяжёлые дубовые стулья, корешки отчётных подшивок в высоких книжных шкафах вдоль стен.

Илья Абрамов, ученик 6 «В» класса, стоял посреди этого застывшего царства, чувствуя, как в груди бешено колотится сердце.

Тук-тук-тук-тук.

Оказавшись тут, он не просто нарушил правило — он переступил черту. Административный блок школы-пансиона после восьми вечера был под запретом. Илья только что доказал существование подземного хода в кабинет Корнеева, но это могло обойтись ему слишком дорого. Сюда нельзя было попадать вообще: за такое не писали замечание и не назначали дежурство после уроков — за такое вызывали родителей, поднимали личное дело и могли поставить вопрос об исключении.

Илья включил фонарик, собираясь нырнуть обратно в камин. Луч света скользнул по шкафам, по столу смотрителя — и замер на стопке бумаг, рядом с которой лежал старый журнал. Абрамов подошёл ближе.

Обложка журнала была шершавой, прохладной. На ней — надпись: «Журнал успеваемости воспитанников. 1906—1907 гг.»

У Ильи пересохло во рту.

— Тот самый... — прошептал он едва слышно.

Он приподнял обложку и почувствовал слабый запах старой бумаги и чего-то цитрусового. Впрочем, подумать о том, откуда тут этот запах, он не успел, его внимание целиком переключилось на находку. На листах — выцветшие чернила, аккуратным каллиграфическим почерком написано «Пётр Васильев — выбывший» и уже знакомые символы.

Илья достал телефон и сделал несколько снимков страницы с символами.

И в тот же миг раздался тихий, но отчётливый щелчок откуда-то сбоку.

Из камина?

Ладони повлажнели. Предчувствие чего-то неотвратимого накрыло волной леденящего ужаса. Илья обернулся.

Камин — старинный, девятнадцатого века. Портал выточен из тёмного мрамора, местами покрывшегося тонкими трещинками времени. Над каминной полкой — тонкая лепнина и почти стёртый герб, возможно, купца Платонова.

Илья пригляделся.

Нет, никого. Обошлось.

Он перевёл луч фонарика на журнал, наклонился, лихорадочно перелистывая страницы. Есть ли ещё пометки с алхимическими символами? Вроде больше ничего... Интересно, откуда журнал тут взялся? Корнеев всю школу перевернул в его поисках. А он мирно лежит у него на столе. Очень подозрительно...

Хрысь. Ш-ш-ш.

Что это? Илья настороженно прислушался.

То ли здание пыталось его о чём-то предупредить... то ли кто-то вошёл в приёмную. Илья схватил журнал. Нужно было куда-то спрятаться. Куда? Под стол? За занавески? Ни одного укромного места. Всё равно найдут!

БА-А-АХ!

Дверь распахнулась, ударившись о стену. Яркий свет полоснул по глазам.

— Ага! Попался! — Голос Корнеева взорвал тишину, как выстрел.

Илья вздрогнул, живот словно свело судорогой, ноги одеревенели, и он не смог сделать ни шага.

Сильные руки охранника Кротова впились в плечи. Хватка была железная, и от боли у Ильи перехватило дыхание. Вот не зря он недолюбливал этого мужика. С самого первого дня, как он появился у них в школе. Жилистый, сухой, с туповатой физиономией. Договориться с ним о чём-либо было невозможно. Никогда не шутил, не прощал мелких нарушений. Даже за слишком громкий, по его мнению, смех в коридоре мог устроить разнос. Правильную кликуху ему дали. Тот ещё крот. И теперь именно он держал Илью так, точно поймал преступника.

— Отпустите! — Абрамов попытался вырваться.

— Стоять. — Кротов стиснул плечи мальчика ещё сильнее. — Не дёргаться.

— Максим Оскарович, держи, а то удерёт, — приказал Корнеев. Его лицо, обычно непроницаемое, теперь исказилось от ярости.

«Максим Оскарович, — мысленно передразнил Корнеева Илья. — Это ж надо — ещё и по имени-отчеству его называть!»

— Отпустите! Я ни в чём не виноват! — огрызнулся Илья. Плечи от грубой хватки охранника Кротова болели так сильно, что он еле сдерживал слёзы.

Корнеев шагнул ближе и навис над Абрамовым:

— Ты влез ко мне в кабинет! Шарил по моему столу! А ну-ка покажи, что ты там взял?

Всё внутри у Ильи оборвалось. По позвоночнику пробежала дрожь. Он вдруг ясно осознал, как происходящее выглядит со стороны: он стоит посреди кабинета смотрителя, как вор, и держит пропавший журнал. Журнал, которого здесь не должно было быть, который искали, который важен... Журнал, который почему-то... он взял в руки. Сам. Подставился.

«Как? Зачем я?..» — Мысли бились в голове одна о другую.

Илья почувствовал, как в ушах гулко застучала кровь. И тут его осенило — так резко, что бросило в жар.

Это ловушка!

И он по глупости в неё попал.

— Это не то, что вы думаете! — поспешил оправдаться Илья, но голос сорвался на хрип. — Я просто...

— Лучше молчи! — Корнеев подошёл вплотную, взял журнал и сунул его для надёжности себе под мышку. — Проник в административный блок. Взломал дверь.

— Я ничего не взламывал! Позовите директора! — Илья, извиваясь, предпринял ещё одну попытку вырваться, но тщетно. — Да послушайте вы! Я всё объясню.

— С полицией будешь объясняться.

В этот момент дверь кабинета открылась. Все трое обернулись. На пороге стоял директор — Алексей Сергеевич Громов.

Он был бледен как мел. Лоб прорезала суровая морщина. Так было всегда, когда он думал о чём-то серьёзном. Белоснежная рубашка, бордовый галстук, на тёмно-синем костюме ни складочки.

Громов быстро оглядел присутствующих: напуганный Илья, цепко схвативший его Кротов, Корнеев с перекошенным лицом, зажавший под мышкой журнал. За долю секунды в глазах директора промелькнула це-

лая гамма чувств — растерянность, страх, облегчение и снова — абсолютная невозмутимость.

— Иван Павлович, — произнёс он ровным голосом, но с той властной интонацией, от которой все в школе замолкали. — Что тут происходит?

— Вот, полюбуйте! Этот... самозванный детектив, — Корнеев ткнул пальцем в Илью, — пробрался в мой кабинет! Копался в документах! Наверняка его дружки где-то рядом! Журнал у него был. Вот! — Он достал толстую тетрадь из-под мышки и показал директору.

— Я один! — выкрикнул Илья, чувствуя, как отчаяние превращается в злость. — Я ничего не крал! А журнал я нашёл. Он тут у вас на столе лежал.

— Нашёл?! — Корнеев нервно выдавил из себя улыбку. — Лучше признайся: это ты его украл, а теперь, когда понял, что я это дело так не оставлю, решил незаметненько вернуть. — Иван Павлович посмотрел на директора и уже гораздо спокойнее добавил: — Мы его взяли с личным.

Слова повисли в воздухе, тяжёлые, как удар молота.

— Ясно. — Громов вздрогнул. Его лицо на миг стало чужим, словно кто-то сорвал с него маску.

Корнеев достал телефон.

— Всё, Абрамов. С меня хватит. Я вызываю наряд и родителей. Посмотрим, что они скажут, когда узнают, что их сын — взломщик и вор.

Мир вокруг сузился до одного пятна света, до холодного блика экрана телефона. Илья стоял, удерживаемый Кротовым, и понимал: ему никто не поверит. Его подставили, и сделал это...

Глава 2

Кража, которой не должно было быть

*За четыре дня до поимки Абрамова —
1 декабря*

После «Ночи театра» школа-пансион жила так, словно её изрядно тряхнуло — и она ещё не решила, плакать или смеяться. Шаги и голоса звучали в коридорах тише обычного. В столовой ученики шептались, наклоняясь друг к другу, и каждый второй разговор начинался словами: «А ты видел?..» или «А вдруг они правда...

ожили?» Старшекласники делали вид, что ничего особенного не произошло, но всё равно оглядывались, проходя мимо актового зала. Учителя говорили нарочито спокойно, чтобы погасить панику в зародыше.

Именно поэтому тишина в кабинете Корнеева была обманчивой — звенящей, как после хлопка. Казалось, это отголосок вчерашних криков, ещё не успевших окончательно раствориться. Вчера вечером он наблюдал собственный крах.

«Ночь театра». Его праздник. Его отретставрированный зал. И его позор.

Запланированный спектакль обернулся шоком: прямо в витринах старинные куклы купца Платонова, выставленные как ценнейшие экспонаты, внезапно задвигались сами по себе, и в зале начался хаос.

Он стоял на сцене и видел, как рушится порядок, который он годами выстраивал в этих стенах. Куклы не просто шевелились — они насмехались. Каждый щелчок их механизма был плевром в его авторитет. Он, Иван Павлович Корнеев, смотритель школы, чья воля — закон, оказался беспомощен перед

грубой провокацией. Он видел ужас в глазах детей и взрослых. Праздник был сорван, все напуганы.

А теперь это.

Высокий, плечистый, в наглухо застёгнутом пиджаке, Корнеев смотрел на распахнутый сейф. Нет, почти всё лежало на своих местах: папки, конверты, ключи. Не хватало только журнала 1907 года. Именно того, который он собирался изучить, чтобы понять, имеет ли старая легенда о пропавшем мальчике отношение к вчерашнему безумию.

— Куда я его дел? — буркнул он.

Корнеев отодвинул отчёты, провёл ладонью по гладкому дну сейфа, пересчитал содержимое конвертов. Деньги целы. Лишь ветхого, потёртого журнала, где он рассчитывал найти записи о мальчике Пете, не было.

«Легенда, — подумал он, вспоминая историю, передаваемую в школе из поколения в поколение. — Трое друзей. Ключ. Комната под сценой. Десятки кукол со стеклянными глазами... Проклятые игрушки оживают, отрезают путь, и один из мальчишек — Пе-

тя — остаётся внизу. Его крик стихает под крышкой люка...»

Теперь по школе ходили слухи о пропаже Олега Седова. Но Корнеев проверил: Олега забрал отец. Никаких «похищений куклами». Рассказни — чушь.

«Куда же делся журнал? — Корнеев ещё раз окинул взглядом полки сейфа. — Кто-то издевается! — мелькнула мысль. — Вчера — беспредел, сегодня — кража. Кто-то водит меня за нос, показывая, что все правила — ничто. Кто-то здесь, в школе, чувствует себя хозяином».

Он с досадой захлопнул дверцу сейфа.

«Как это сделали? Журнал исчез из закрытого сейфа. Сам сейф не взломан. Кабинет был заперт. Доступ посторонних исключён. Кто это сделал?!»

У него в сознании неожиданно всплыла догадка: хитрые глаза, дерзкая ухмылка — только Абрамов вёл себя так, как будто ему всё дозволено. Но зачем? Неужели он? Или кто-то ещё?

Иван Павлович вышел из кабинета в приёмную.

— Громов у себя? — спросил он у секретаря.

Девушка едва успела кивнуть, и он тут же постучал и вошёл, не дожидаясь приглашения.

Кабинет директора Громова был тщательно выстроенным оазисом спокойствия. Мягкий свет ложился на дубовый стол, где царил порядок, подчёркивающий высокий статус. Алексей Сергеевич, моложавый, лет сорока, статный мужчина, сидел за столом, подписывал документы.

«Ещё один день, ещё десяток проблем, — подумал он. — И все они должны быть решаемы».

Дверь распахнулась. На пороге, заполнив собой проём, встал Корнеев — взбешённый, как никогда.

— Алексей Сергеевич! Чрезвычайное происшествие! — с ходу оповестил он директора.

Пристальный взгляд Громова отметил несвойственную зрителю ярость. Он не в себе. Это плохо.